

НАРЕЧИЯ НА -МА (-МЯ) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПОИСК ПРОИЗВОДЯЩЕГО СЛОВА

И. А. Меркулова, А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

ADVERBS IN -MA (-MYA) IN RUSSIAN: SEARCH FOR A DERIVATIVE WORD

I. A. Merkulova, A. A. Kretov

Voronezh State University

Аннотация: в современном русском языке имеется группа наречий на -ма(-мя), функционирующих в классической и современной прозе, диалектах и разговорном употреблении (*стоймя, сидмя, лежмя* и др.). Авторы отмечают ряд особенностей их употребления. Во-первых, возможны варианты в их оформлении (на -ма, -мя, -ми, -мы, -ме) и ударении, а также встречаются однокоренные наречия, совпадающие по значению. Во-вторых, сочетаясь с глаголами, нередко они повторяют глагольный корень и образуют устойчивые обороты, так называемые этимологические фигуры (*figura etimologica*) – прием, традиционный для древнерусского языка. В-третьих, данные наречия выступают как обстоятельства в функции усиления обозначенного глаголом действия. Действительно, подавляющее большинство глаголов, с которыми взаимодействуют эти наречия, обозначают действия, способные проявлять разную степень интенсивности. В статье рассматриваются различные точки зрения лингвистов прошлого и настоящего на проблему образования этих наречий, так как их происхождение по-прежнему остается неясным. Авторы собрали и проанализировали научную литературу, посвященную этим наречиям, их частотные характеристики, установили время первой фиксации в текстах и предложили системный взгляд на образование форм на -ма (-мя). В статье восстанавливаются начальные формы имен, а также исходное значение сравнения-подобия форм творительного падежа. Поддерживается и аргументируется точка зрения об адвербиализации форм творительного падежа двойственного числа имени как способе образования наречий на -ма (-мя), высказанная в свое время А. А. Шахматовым, замеченная В. В. Виноградовым и отраженная (правда, не совсем последовательно) в «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина.

Ключевые слова: наречие, происхождение, адвербиализация, падежная форма.

Abstract: in modern Russian there is a group of adverbs ending in -ma (-mya), which are found in classical and modern prose, dialects and colloquial use (*stoimya, sidmya, lezhmya*, etc.). The authors note a number of features of their use. Firstly, there may be variations in their formalization (in -ma, -mya, -mi, -my, -me) and accent, and there are also cognate adverbs that coincide in meaning. Secondly, when it combined with verbs, they often repeat the verbal root and form stable phrases, the so-called etymological figures (*figura etimologica*) – a traditional technique for the Old Russian language. Thirdly, these adverbs act as adverbial modifiers in the function of intensifying the action designated by the verb. Indeed, the majority of verbs with which these adverbs interact denote actions capable of exhibiting varying degrees of intensity. In the article, the authors examine the various points of view of linguists of the past and present on the problem of the formation of these adverbs, since their origin still remains unclear. The authors collected and analyzed scientific literature devoted to these adverbs, their frequency characteristics, established the time of the first fixation in texts and offered a systematic view of the formation of forms ending in -ma (-mya). In the article the authors restore the initial forms of names, as well as the original meaning of comparison and similarity of the instrumental case forms. The point of view on the adverbialization of the forms of the instrumental case of the dual number of the name as a way of forming adverbs

ending in *-ma (-mya)*, expressed at one time by A. A. Shakhmatov, noted by V. V. Vinogradov and reflected (but not always consistently) in the "Russian Etymological Dictionary" by A. E. Anikin is supported and argued.

Key words: adverb, origin, adverbialization, case form.

«Существует две версии о происхождении наречия. В соответствии с первой, наречие – это часть речи, которая сформировалась после изменяемых частей речи, состав наречий пополняется за счет форм изменяемых частей речи, утративших словоизменение. Вторая заключается в том, что наречия по своим морфологическим характеристикам лучше всего сохранили представление о древнем нерасчлененном имени, из которого затем произошли все изменяемые части речи. Возможно, вторая версия проливает свет на происхождение наречий, а первая – на существование данной части речи в письменный период» [1, с. 96].

Введение

В морфологии современного русского языка наречие представляет собой часть речи, постоянно привлекающую внимание лингвистов. Назовем лишь некоторые современные работы, обсуждающие проблемы наречия [2–6].

Наречиями называют словоформы и словосочетания, прошедшие адвербиализацию, т. е. ставшие обстоятельством и потерявшие словоизменение.

Среди русских наречий можно выделить адвербиализованные формы существительных (с предлогом и без предлога), формы прилагательных (преимущественно краткие), древние формы местоимений, формы счетных слов и причастий. Среди них обращает на себя внимание группа слов, оканчивающихся на *-МА (-МЯ)* типа *стоймя*, так как ответ на вопрос об исходной форме для таких наречий не является простым. К сожалению, словари и грамматики констатируют только факт, что это наречие, а учебные пособия по исторической грамматике и истории морфологии их не упоминают вообще.

Целью исследования является этимология немногочисленной группы наречий, оканчивающихся на *-МА (-МЯ)*, ибо «словообразовательная характеристика готовых лексем есть не что иное, как задание их этимологии» [7, с. 293].

В немногочисленных исследованиях, касающихся этих форм [8–11], приводятся некоторые гипотезы их происхождения, которое считается неясным и загадочным.

Материал и методы исследования

В процессе исследования применялись метод наблюдения, аналогии, были учтены данные этимологического и словообразовательного анализа.

Обсуждение и результат

В «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка обнаружилось четырнадцать наречий на *-МА (-МЯ)*: *весьма*, *дарма*, *задарма*, *дрожмя*, *кишмя*, *кричмя*, *лежмя*, *ливмя*, *плашмя*, *ревмя*, *ругмя*, *сидмя*, *стоймя*, *торчмя* [12].

Может показаться, что эти слова безнадежно устарели и вышли из активного употребления, но в

основном подкорпусе НКРЯ они представлены в примерах, хотя и с разной частотой (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Наречия на *-ма (-мя)* в НКРЯ (основной подкорпус)

Наречие	Кол-во примеров в НКРЯ
Плашмя	691
Стоймя (стойма)	347
Кишмя (кишма)	231
Задарма	219
Ревмя (ревма)	106
Торчмя (торчма)	93
Дарма	81
Ливмя (ливма)	66
Дрожмя (дрожма)	52
Сидмя (сидьма, сидмя)	25
Лежмя (лежма)	21
Ругмя (ругма)	11
Кричмя (кричма)	3

Диалекты и художественная литература расширяют этот список примерами: *вальма*, *вертма*, *висмя*, *воймя*, *вальма*, *горма (гормя)*, *дерма (дерьма, дермя)*, *едма*, *живмя*, *летмя*, *порожмя (порожня)*, *падья*, *сижмя (сижмя)*.

В произведениях А. Ф. Писемского из НКРЯ встретились уникальные образования *лаймя лаяли*, *лупмя лупит*, *мормя морил*, *несмя несли*, *поймя поили*. В исследовании О. А. Черепановой [8] упоминаются также: *бросмя*, *волочмя*, *душмя*, *леймя*, *нойма*, *порма*. Сложно поручиться в том, что объем подобных наречий исчерпан, так как очевидно, что возможны аналогичные образования и с другими глагольными корнями, например, *кипмя кипит*, *трубмя трубит*, *чадмя чадит*, *колесмя колесит*, *лезмя лезет*, что подтверждает их системный характер. Подобные наречия имеются в грамматических системах других восточнославянских языков [10].

Отметим некоторые особенности функционирования этих наречий.

Большая часть наречий на *-ма (-мя)* имеет в своей основе глагольный корень и употребляется как

обстоятельство образа действия (как, каким образом?) при глаголе, формируя частично редуцированное, возможно, даже фразеологизированное сочетание: *стоймя стоять, дрожмя дрожать* и пр., хотя это и необязательно. В лингвистике такое тавтологичное употребление получило название *figura etimologica*. В. В. Колесов объясняет их распространение в древнерусских текстах так: «в результате последовательного наложения двух культурных традиций образуется характерное для средневекового явления: основным элементом текста, организующим новые тексты, становится синтагма» [13, с. 147].

Контексты, представленные в НКРЯ, позволяют выявить наречия, по-разному представленные в *figura etimologica*.

1. Наречия, употребляющиеся только с однокоренным глаголом: *валма(-мя), вертма(-мя), висма(-мя), войма(-мя), горма(-мя), дерма(-мя), дрожма(-мя), едма(-мя), кричма(-мя), летма(-мя), ругма(-мя)*.

(1) Главная причина, – работ нет, а народу – сила!.. **Вальма валит!**.. Вот ужко на ночь погонят туда... [С. П. Подъячев. Мытарства (1903)].

(2) Ин и взаправду сходить придется, – отвечает старик, вздыхая, – только ноженьки-то у меня больно уж ходимиши примаялись... словно вот **вертма вертит** в косте-то... а сходить надо будет: не евши веку не изживешь! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857)].

(3) Я, может, и через любовь мою и саму Зосю, ежели бы она **висья** висела либо через рельсы бежала... [А. С. Бухов. Счастливый случай (1935)].

(4) В полночь прибегла она к овину, вошла в него, жутко таково, ветер кругом **воймя воет**, мороз от угла в угол ищет, а в овине темно, потому окон нет, одни ворота широкие, а она за собой их примкнула [Н. А. Лухманова. Девочки (1894)].

(5) Всю сожгло ее

Поле жаркое,

Горит горма все

Лицо белое [А. В. Кольцов. Молодая жница, (1836)].

(6) Когда дети, подрастая, переставали резвиться, когда начинали, по выражению Анисьи Терентьевны, часослов **дёрма драсть**, тогда турлы-мурлы в сторону, и праздное место его заступал дьявол с хвостом, с рогами и с черной эфиопской образиной... [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881)].

(7) Все боятся его, на кого гневным оком ни взглянет, всяк **дрёжма дрожит**... [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874)].

(8) Ныне на Руси мяса не надо. Зараз человеки друг дружку **едма едят**. По нашему самый раз [Виноградная лоза (2001) // Жизнь национальностей. 23.11.2001].

(9) **Кричмя-кричит**, живот во какой, а пользы нет... [С. Н. Сергеев-Ценский. Сад (1904)].

(10) **Лётмя летят** куры от ястреба. Смол., 1914 [СРНГ. Вып. 17. С. 17].

(11) Вот Борис Григорьев **ругмя ругал** народ русский [Н. К. Рерих. Листы дневника (1943)].

2. Наречия, употребляющиеся как с однокоренным, так и не однокоренным глаголом:

Дарма(-мя): А купишь-то где сахару и чаю? **Дарма давать** будут. Кто? [К. А. Коровин. «То было давно... там... в России...» (1897–1939)]. Наташке на это дело чихать, она ее от души жалела, ничего ей не надо, а Бориска – нет! Он **дарма не отдаст**. Он им бандуру не уступит [Ю. В. Трифонов. Время и место (1980)]. Ведь ты бы подумал: тебе навязывают ее купить – нет!.. **Навязывают дарма забрать** – нет!.. Ум вроде поначальности проблескивал: «нет» говорил... [В. Распутин. Нежданно-негаданно (1997)].

Живма(-мя): Дюже чудно, первый-то раз увидел прошлым годом, в Гараськину свадьбу. Так прямо **живмя цветут**. Выпей, батя, – поторопил Поливанов: старик любил поговорить, мог и на всякую ненужность наткнуться [П. Л. Проскурин. Судьба. Книга первая. Адамов корень (1993)]. Родион Потаныч **живмя жил** на своей шахте и домой выходил очень редко, недели через две [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)].

Кишма(-мя): В ильменах, в путанке протоков и ериков **кипела кишмя**, как в садке, красная рыба – жирная, будто бычок, питаемый одним суслом... [А. Иличевский. Перс (2009)]. Тут дело было не в опасностях пути – всех этих обрывах и пропастях, головоломных тропах и гнусном зверье, которым **кишмя кишили** сырые низовые заросли [Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // Октябрь. 2001].

Лежма(-мя): Не могли договориться, как **считать** людей – **лежмя** или сидячих с поджатыми ногами [Г. Щербакова. Кровать Молотова (2001)]. Но он не мог сам держаться: голова его заваливалась назад, и все тело съезжало с сиденья. **Клади лежмя!** – скомандовал околочный... [Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)]. Двое суток **лежмя лежали** мы в песках [Б. Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)].

Ливма(-мя): Так вот, сижусь я тогда у печурки – дождина **ливмя** всю **хлещет-воет**, пламя языками пляшет, танцует – будто волосы рыжие – Горгоны там, Стюарт Марии, или... жены, – вдруг я подумал [А. Иличевский. Бутылка (2005) // Зарубежные записки. 2008]. Очевидно, сезон будет там. Он слышал свое сердце, слышал, как чирикнула сигнализация машины, как ветер стронул занавеску, и **ливмя ссыпались** листья в окне... [А. Иличевский. Медленный мальчик // Знамя. 2008]. Дождь **лёт ливмя**... Скорее

бы начинать работать [А. Г. Колмогоров. Мне дошедшее: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)].

Ревмя(-мя): Из забав – катались верхом на соседском борове Борьке, для которого собирали рыбу по берегу после бури (как он мучился **ревмя**, когда сдыхал, отравившись снулым осетром...) [А. Иличевский. Перс (2009)]. Была бы баба ранена, Зря **выло** сто свистков **ревмя** – но шел мужик с бараниной И дал понять ей вовремя [Л. Ю. Брик. Из воспоминаний (1956–1977)]. Мне стало до того жалко императора Наполеона, что хоть **ревмя реви** [Ф. Искандер. Путь из варяг в греки (1990)].

Сидма(-мя): Так её на могилки и **нёс**, через всё Лунёво, как робёнка – **сидмя** [В. Г. Галактионова. Большой крест (2001)]. «Так он, значит, добровольно пошел к красным?» – «А то jakый бы из его был брат, шоб **сидел** дома **сидмя**» [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 3–4 (1983)].

Стойма(-мя): Однако, по обыкновению, **пронести** покойника на лестницу можно было не иначе как почти **стоймя**, и я упирался в шершавое неструганое дно и топал и сопел вместе со всеми [А. Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир. 2001]. В половину его площади тут **располагался стоймя**, ребром – ярко начищенный круглый медный поднос [А. Солженицын. В круге первом. Т. 1, главы 26–51 (1968) // Новый Мир. 1990]. На коленях они **стоймя держали** сумочки, заслоняя круглые животы [И. Грекова. Летом в городе (1962)].

Торчма(-мя): Из Алупки в Сименс, оливы, гранаты, коурме; роскошь прозябения в Сименсе; оттуда утес, **обрушенный** в море **торчма**, на нем развалины замка; проезжаем сквозь теснины частию нависших и в море обрушенных громад, другая на суше, над нею прямо обломанный утес, повсюду разрушение [А. С. Грибоедов. Отдельные заметки (1822–1825)]. Зато обозначилась **поставленная торчмя** на пол стеклянная греческая лампа [Е. Лукин. Катали мы ваше солнце (1997)]. Нынче был он наособицу лубочный: лихие черные усики **торчали торчмя**, цурились вишенки-глаза, в охотничий присвист **слагались** пунцовые губы... [Е. И. Замятин. Колумб (1918)].

Таким образом, из двадцати наречий в этимологических фигурах употребляется одиннадцать, большинство из них имеет низкую частоту (см. табл. 1). Сочетаний наречий с не однокоренными глаголами не выявлено. Лишь наречие **торчма** (**торчмя**), по данным НКРЯ, имеет значительное количественное преобладание подобных сочетаний.

Как правило, оба алломорфа суффикса *-МА (-МЯ)* существуют «на равных» и могут оформлять один и тот же корень. Возможны и другие варианты в оформлении финали наречия: *-ми, -мо, -мы, -ме, -мём, -мок*.

В древнерусском языке список наречий на *-ма* был несколько иным. Акцентологический указатель А. А. Зализняка позволяет добавить: *уима, больма, бохма, вельми (велми), весьма, ельма, кольма, ноньма, нудьма, тольма* [14, с. 173–174].

Форма наречий на *-мя* и их связь с глаголом может намекать на деепричастное происхождение, хотя никаких доказательств этого обнаружить не удалось. Интересно, что подавляющее большинство глаголов, с которыми взаимодействуют эти наречия, обозначают действия, способные проявлять разную степень интенсивности. Деепричастия создают некоторую формальную аналогию (*греметь-гремя, дымить-дымя, кормить-кормя*), хотя семантика наречий более точно определяет образ действия.

Сама идея возводить наречия к причастно-деепричастным формам существует. Так, С. К. Пожарицкая и Н. Л. Самсонова не исключают возможности возникновения наречного суффикса *-мя* от расширенной финали причастно-деепричастных форм некоторых весьма частотных глаголов: во-первых, приставочных с корневым *-я-, -а- (*е)* — *взять* → *возьмя*, *снять* → *соймя*, *жать* → *жмя* и т. п.; во-вторых, глаголов с конечным [м] основы (*вскормить* → *вскормя*, *сломить* → *сломя*) [11].

Таким образом, одна из точек зрения касается причастно-деепричастного объяснения происхождения этих наречий. Но есть и другое мнение.

Именной характер происхождения усматривает А. А. Шахматов, связывая окончание *-ма* с окончанием дательного-творительного множественного числа. Например, дат.-тв. дв. древнерус. *pože-ma, pol'e-ma, dūsa-ma, sup'ь-ma, nīť-ma, sloves'ь-ma* и др. Смешение дательного и творительного множественного вызвано совпадением обоих падежей в двойственном числе и «стоит в прямой связи с проникновением окончания *ма* из двойственного во множественное число» [15, с. 359].

О. А. Черепанова предлагает говорить о двух перекрещивающихся путях образования форманта *-м-* в наречиях на *-мя* [8]. Древнейший пласт составляют наречия отместоименного образования типа *камо, инамо, само* и др. от первообразных местоимений *къ, инь, съ* и др. Второй источник появления данного форманта – адвербиализация форм творительного падежа имени. Этот падеж, действительно, насыщен семантически различными обстоятельственными значениями. «Для творительного образа характеристична именно его разноставность по происхождению: в него втекают различные творительные при легком изменении своего значения по направлению к потере субстанциальности; он есть момент, предшествующий переходу дополнения в наречие, так что предполагается и наречиями места и времени» [16, с. 469].

Интересную мысль высказывают диалектологи: «Редуплицируя глагольный корень с целью интенсификации обозначаемого им действия или формируя общую эмоциональность высказывания, формы на *-ма, -ом* сохраняют лишь форму наречия, поскольку, если в качестве ответа на вопрос “как спала?” правомерен ответ “сижма” (определение к глаголу), то вопрос “как дрожала?” , предполагающий ответ “дрожма”, не имеет смысла» [11, с. 123]. В таком случае редупликация представляется неделимой, и возникает потребность определения грамматического статуса ее компонентов. Авторы полагают, что с точки зрения грамматической семантики, редупликация типа *дрожма дрожала* эквивалентна одной словоформе, а *ма-форма* функционирует как аффиксальная морфема с количественным значением ‘очень’. Оттенок усиления можно объяснить их тавтологическим или плеонастическим употреблением при словах той же основы или сходного значения.

Диалектные данные расширяют список однокоренных наречий – вариантов форм на *-ма(-мя)*. Например, *стоймя*, обозначающее вертикальное расположение стоя, имеет следующие однокоренные наречия: *ст’оєм* и *сто’ём* (*Надо боле пук вязать, поставь ее стоем к стенке. Этот-то нож да стоём стал. Он стоем стоит да аки цвет цветет*), *сто’ёчком*, *стойк’а* (*Они на лодке сидят, а он в воде стойка стоял*), *стойк’ами* (*Нарубишь лесу, стойками поставишь и обкладешь дерном*), *ст’ойки* (*На стойках коды хлебушка откусишь. Девушки становятся на стойки, и едем с песнями*), *стойк’ом* (*Под конем-то Егорьюшко стойком стоит. Раньше волосы сахаром примазывали, чтоб не разъезжались, стойком не стояли. Платье грязное на ней, стойком стоит*). Здесь и далее см. [17, Т. 41, с. 189–190].

Ст’ойм’а, нареч. Стоя, стоймя. *Гнуться надоть, стойма не пилят, а согнувшись*. Ряз. Ряз., 1960–1963. *Я умею плыть стойма. Стойма поешь и опять на работу*. Лит. ССР, Эст. ССР. 1898. Ст’ойма. Олон., 1885 Стойм’а. Саратов, 1845. *Где жнут, там становятся снопы стойма и сушат*. Груз. ССР. *Не могу как стойма: нельзя нагнувши, больше ничего не работаю*. Моск. Влад. *Работала я стойма*. Р. Урал. *Стойма станут на телегу, глядят на жнейку в первый раз: диковина какая*. Новосиб. Стойм’а стоять. а) Находиться в стоячем положении, долго стоять не двигаясь. Саратов, 1845. *Ты уж два часа стоишь и стоишь стойма*. Ряз. б) Торчком, дыбом стоять (о волосах, шерсти и т. п.). *У меня волосы стойма стоят от страха. Дворная собака наша стара стала, грязна, аж шерсть стойма стоит*. Груз. ССР, 1977. Стойм’а стоять. а) О прилегающей по фигуре, хорошо сидящей на ком-л. одежде. *На ней платье стойма стоит и на Марии тоже*. Р. Урал, 1976. б) Располагаться, лежать, сохраняя форму (о на крахмаленных предметах).

Накрахмалишь кружево, свес [кружевная кайма, оборка] – тоже стойма стоят. Р. Урал, 1976. в) Топорщиться, не прилегать (об одежде). *Волчий тулуп аж стойма стоит*. Р. Урал, 1976. г) Быть очень крепким, твердым. *Оне (апельсины) стойма стоят*. Р. Урал, 1976.

Стойм’ём, нареч. Стоя, стоймя. Пск., Осташк. Твер., 1855.

Стойм’и, нареч. Стоя, стоймя. Верховин. Киров., 1957. *Пустой хлеб, колос стойми*. Южн. Урал. *Все делаешь стойми*. Смол. Стойм’и стоять. Находиться в стоячем положении, стоять. ВолгоКамье, 1961. Сев. Вост. Башк. АССР.

Стойм’ок, нареч. Стоя, стоймя. *А мы стоймок и сижмок катаемся прямо с горы*. Ряз. Ряз., 1960–1963.

Стойн’ём, нареч. Стоя, стоймя. Пск., Осташк. Твер., 1855.

А. Ф. Журавлев по этому поводу пишет: «При пестром генезе наречия как части речи не вызывает удивления просвечивание в его системе следов прежнего грамматического существования. Меняя свой частеречный статус, приобретая адвербиальные функции, слово может в остаточном виде сохранять оппозиции утрачиваемых грамем. В разных языках с развитой морфологией заметным явлением оказывается адвербиализация падежных форм имен, знающих категорию числа, поэтому числовые оппозиции могут иметь место в грамматической подсистеме наречия» [18, с. 228].

В. В. Виноградов замечает: «Даже если видеть в суффиксе *-мя* отложение древних именных флексий двойственного числа (ср.: *двумя, тремя*), все же трудно отрицать для современного языкового сознания их морфологическую близость к наречиям типа *лежа, сидя* и т. п. Функционально же они не отделимы от фразеологических сочетаний, возникающих из творительного усиления: *есть поедом, ходить ходуном* и т. д. Все эти отглагольные группы наречий сближаются с наречиями образа действия. В них очень ощутительны качественно-обстоятельственные оттенки (ср. *крадучись* и *украдкой, умеючи* и *умело* и т. п.). Оттенок усиления, свойственный словам *ливмя, стоймя* и т. п., объясняется их тавтологическим или плеонастическим употреблением при словах той же основы или сходного значения (ср. *стоном стонать, бегом бежать* и т. п.)» [19, с. 365–366]. Говоря о близости к *лѣжа* и *сидя*, В. В. Виноградов словно не различает исторически возникшие формы и ныне реализуемые функции. Видимо, функциональная близость деепричастных форм к формам на *-ма/-мя* и провоцирует исследователей предполагать их генетическое родство.

Творительный падеж единственного числа существительного при однокоренном глаголе является частотным элементом усилительной конструкции в

диалектной речи. «Пёхом запехался; пихом пихаются; носком принесли; лезом лезет; блестом блестит; видом ненавидит, висом висит; вилом въется, кипнём кипит, ходенём ходит, бегом бежит, гудят гудом, лёжкой лежит, визгом визжит, бредкой бредил, пропастью пропал», – такие примеры из словарей говоров Архангельской и Рязанской областей, а также из собственных диалектных записей приводит С. К. Пожарицкая, дипломатично называя существительные в них гипотетическими [20, с. 265].

Не вступая в спор с В. В. Виноградовым, заметим, что формы **творительного** падежа не исключают

реализации и еще одного значения – **сравнения-подобия**.

Восстановим парадигму форм, имея в виду именное происхождение этих наречий. Как известно, в древнерусском языке существительные склонялись по-разному в зависимости от характера основы. Выделялось 5 типов склонения, и все они имели форму двойственного числа, совпадающую в дательном и творительном падеже. Эта форма оканчивалась на *-ама, -яма, -ома, -ема, -ъма, -ьма* (*женама, земляма, столома, конема, сынъма, костьма*). Для заполнения матрицы форм обратимся к диалектным данным словаря «Русских народных говоров» (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Парадигмы имен отглагольных существительных

№ п/п	Глагол	Имя	Тв. п. ед. ч.	Тв. п. мн. ч.	Тв. п. дв. ч.
1	Валит	*вал	валом	валами	валма, валмаА (РЭС), вАлмя, валмЯ (РЭС), вАльма, вАльми, вАльмя, вальмЯ,
2	Вертит	*верт	вертом	вертами	вертма
3	Висит	*виса	висой	висами	висмя, висма (РЭС)
4	Воег	*вой	воем	воями	войма (РЭС-8:112)
5	Горит	*горь	гором	горами	гОрмя, гормЯ (РЭС-11:260, гОрьмя, гОрма, гормА, горми –1852) (БАС-34:314)
6	Дарит	*дар	даром	дарами	дарма 1858 (БАС-3 4:524)
7	Дерет	*дёр	дёром	дёрами	дерма
8	Дрожит	*дрог, *дрога *дрож	дрогом, дрогой	дрогами	дрожма, дрожмя (Даль 1863)
9	Ест (РЭС 15)	*ед, еда	по(едом)	едами	едмя
10	Живет	**жив	живом	живами	живма, живмя (Даль 1863)
11	Кишит	*киш	кишем	кишами	кишмя (РЭС), 1792 (БАС-3 8:88) кишма, кишми
12	Кричит	*крик	криком	криками	кричмя 1842 (БАС-3 8:651)
13	Лежит	*лѣж, лѣжи	лѣжем	лѣжами	лѣжма, лѣжма, лежмА, ЛежмЯ (РЭС), лѣжмя XVII в. (СлРя XII–XVII вв. 8:199)
14	Летит	*лѣт	лѣтом	лѣтами	летмя
15	Льет	*лив	ливом	(раз) ливами	ливмя 1792 (БАС-3 9:188)
16	Ревѣт	*рѣв	рѣвом	рѣвами	ревмя (Даль 1863)
17	Ругает	*руга	ругой	ругами	ругмя
18	Сидит	сид /*сидь	сидом	сидами	сидьма, сидма XVII в. (СлРя XII–XVII вв. 8:199), сидми, сидьми
19	Стоит	*стой	стоєм	стоями	стоймя, стойма, стойми XVII в. (СлРя XII–XVII вв. 8:199)
20	Торчит	*торк	торком	торками	торчма, торчмя, торчмо 1792 (МАС-1 15:704)

В последней графе рядом с формой указывается время ее фиксации, указанное в лексикографических источниках, упомянутых в БАС-3 [21].

Очевидно, что *-ма* и *-мя* ведут себя как варианты при образовании форм, так как большинство наречий имеют обе формы.

Восстановленные формы отглагольных имен обнаруживаются в диалектной речи.

Вал, м. Быстрая прибыль воды в реке; водяной поток от быстрой прибыли воды (весной или после

дождей). *Накатил вал – мельницу снесло. Валом утащило сено. Валом подхватило скотину* [17, вып. 4, с. 19–20]. *В стой человека. В высоту человеческого роста, в рост человека* [Там же, вып. 41, с. 182].

Здесь **киш** кишет змеев, ой тошно! Есть и производное существительное *кишевня* – толкотня, толпа [17, вып. 13, с. 249]. **Лив** наливай. Припев в народной песне. *У нас воду на волах возят – Лив наливай, на плечо подымай* [Там же, вып. 17, с. 41].

Руга, ж. Брань, ругань. *Хоть ругайтесь, не ругайтесь – этой руги не боюсь (частушка)* [14, вып. 35, с. 249]. Наряду с общеупотребительным крик встречается и крич.

Крич, а, м. Клич. *Крич крикнуть* [17, вып. 15, с. 261].

Сид, м. [Знач.?). *На сиду случается уловить в сеть до трехсот лещей, язенок или плотицы* [17, вып. 37, с. 279].

Форма **торк** представлена в словаре как междометие по глаголу торкать, но оно не имеет парадигмы, как любое междометие. При этом обнаруживаются формы **Торком**, нареч. То же, что *торкишом* – торчком, торчмя, тычком. При этом Торкиш, м. Деревянный гвоздь в кваснике (деревянной бочке, кадке для приготовления и хранения кваса) [17, вып. 44, с. 274].

Следующий корень представлен во всех своих вариантах. **Дрог**, а и у, м. Дрожание, дрожь. *Дрог пробирает. Медведь мог стряхивать снег дрогом своим. Как сказали: милый гожд – Без мороза принял дрожд (рекрут, песня). Дрога*, и, ж. *Давать дрогу. Сотрясаться, дрожать. Тогда лесина-то дрогу-то больше дает, и шишка падает* [17, вып. 8, с. 195–196].

Горь, и, ж. Выжженное пожаром лесное пространство [17, вып. 7, с. 80], а также **Горма**, ы, ж. Выжженное место в лесу, на котором после пожара вновь вырос густой хвойный лес. *На гормы вчера были за ягодами* [17, вып. 7, с. 45].

Дёр, а и у, м. 1. Дранье, порка, сечение кого-либо. Собирайтесь на **дёр** [17, вып. 8, с. 5].

Еда, ы, ж. Едкие, колкие слова, брань. *Лучше хлеб с водой, нежели пирог с едой* [17, вып. 8, с. 318].

Лёт, м. *На лету хлеба достать*. Быстро что-либо делать, выполнять любую работу [17, вып. 17, с. 15].

Так же, как и **торк**, **верт** представлен междометным корнем. Употребляется для обозначения быстрого движения, поворота (от глагола вертеть). *Ехал дорогою, да верть целиком* [17, вып. 4, с. 157]. Есть также наречия **вёртом**, **вертом** и **вертОм** – винтом; винтообразно. *Сувуть на Дарие вертит вёртом воду, котлованы получают. Нусь-ко, ергуза, всю свадьбу вёртом вертелась* [17, вып. 4, с. 154].

Виса, ы, ж. То, что висит. *Виса висит, Хода ходит, Виса пала, Хода съела (загадка: яблоко и свиньи)* [17, вып. 4, с. 294].

В словаре есть наречие **живе** – в живых. *В живе Машу не застал*; а также существительное **живь** в «рыбном» значении – свежая рыба, рыбная снедь [17, вып. 9, с. 149, 162].

Леж, а и у, м. 1. Нескошенная прошлогодняя трава, слежавшаяся и спутанная, наносящая вред лугу. *Земля под лежем*. 2. На лежу, нареч. *Лёжа, в лежачем положении. Какая драка на лежу!* [17, вып. 16, с. 326], а также **Лежи**, мн. На лежах. В лежачем

положении. *На лежах не разрешалось бить: сбили и шабаш* [17, вып. 16, с. 334].

Вариант **задарма** в значении ‘очень дешево, за ничтожную плату’ в современном употреблении более привычен и распространен шире, чем **дарма**.

Эти формы глагольных имен не следует путать с паронимичными отглагольными формами древних имен на -м: *писать* – *письмо*, *драть* – *дёрмо*, – что означало бы путать суффиксы с флексиями.

Анализу 77 восточнославянских отглагольных существительных и их вариантов на **мь/*-ма/*-мо* посвящено исследование К. Лиукконена [22]. Автор рассматривает такие слова, как *балама* ‘непостоянный, пустой и болтливый человек’, *берема* ‘охапка, вязанка’, *блума* ‘плакса, рева’, *бом* ‘нарыв, чирей’, *чама* ‘привередница’, *чесма* ‘порода дуба’, *чума* ‘заразная болезнь’, *дума* ‘совет, совещание’, *глум* ‘шум’, *грум* ‘глыба, ком’, *гром* ‘куст, сад’, *хохам* ‘смех’, *хором* ‘дом, строение’, *хим* ‘шея’, *яма* ‘яма, ров’, *клом* ‘ручка, рукоять’, *коромы* ‘худая, негодная обувь’, *косм* ‘волос’, *косма* ‘колея на дороге’, *кума1* ‘крестная мать’, *кума2* (в глаголах кумить ‘понимать, соображать’), *ковм* ‘пюре, мятый картофель’, *корм* ‘пища’, *корма* ‘задняя часть судна’, *лам* ‘гроб’, *налим* ‘налим’, *оберем* ‘охапка’, *рама* ‘граница, пашня’, *ошим* ‘кусочек хлеба’, *пасмо* ‘часть мотка пряжи’, *навесма* ‘моток ниток в 40 оборотов’, *перема* ‘часть колодки от каблука до носка’, *письмо* ‘письмена, написание’, *посом* ‘крыша’, *повесмо* ‘пучок, моток, притмо (как наречие притмом ‘внезапно и спешно, неминуемо’), *прозма* ‘пройма, бойница’, *режма* ‘линия, черта’, *рюма* ‘плакса’, *рум* ‘лесная пристань’, *скором* ‘жир’, *сом* ‘стык двускатной крыши’, *судерёма* ‘толстая холстина’, *судома* ‘судорога’, *суром* ‘шум, гам’, *сутолома* ‘возня, гвалт’, *стама* ‘торос на мели’, *стром* ‘ствол дерева, балясина’, *стума* ‘полутьма, полумрак’, *сума* ‘грусть’, *склёма* ‘сплетня’, *склима* ‘обрыв’, *скума* ‘догадка’, *слим* (в производных слимак ‘улитка, слизень’), *сорма* ‘узкое и мелкое место в реке’, *сатьма* ‘отлогий берег’, *шум* ‘грохот, шум’, *терем1* ‘темное место в лесу’, *терем2* ‘высокий дом, дворец’, *тума* ‘чепуха, вздор’, *толсм* (в производных ‘толстоватый’), *толм* ‘шум’, *угрюм* ‘гром, гроза’, *ум* ‘душа, способность мыслить’, *урома* ‘груда, куча’, *усма1* ‘лихорадка’, *усма2* ‘кожа’, *верма* ‘лозняк’, *забома* ‘преграда из бревен’, *заром* ‘первое бревно для избы’, *застума* ‘печальный человек’, *затум* (в производном прилагательном затумный ‘темный, отсталый’), *затым* ‘способ соединения бревен’, *затьма* ‘делание виноградных отводок’. По мнению автора, все они являются праславянскими по происхождению, хотя некоторые интерпретации вызывают вопросы и несогласия у отечественных этимологов, например, у Ж. Ж. Варбот [23].

Некоторые наречия как бы выбиваются из ряда, так как они не связаны с глаголом, а связаны с прилагательным (*плоский* – *плашмя*, *порожний* – *порожмя*). Не удивительно, что они не употребляются в усилительных конструкциях с однокоренным глаголом.

Интересным в этом ряду является наречие *плашмя*. Оно активно используется, о чем свидетельствует 691 пример из НКРЯ, и также связано не с глаголом, а с прилагательным *плоский*. ПЛАШМЯ, нареч. Обращенный *плоской*, широкой стороной к чему-л. Упасть п. (на спину или грудь). Ударить ладонью п. Бить, рубить п. Положить кирпич п. [24, с. 840].

Написание слова *плашмя* заставляет усомниться в его происхождении от прилагательного *плоский*. Во-первых, по первой палатализации СК трансформируется в Щ. Во-вторых, (если даже предположить маловероятное перед мягким согласным отвердение Щ > Ш) ожидалось бы написание **плОшмя*, а не *плашмя*. Такое написание можно, конечно, объяснить фонетическим принципом написания этого слова: в первом предударном слоге О и А не различаются. И все же сразу два несоответствия для одного слова многовато, что заставляет предпочесть версию происхождения слова *плашмя*, от слова *плаха*, хорошо объясняющую и Ш < Х, и А (ср. в [25, с. 342]).

Выводы

Таким образом, из двух гипотез о происхождении наречий на *-ма (-мя)* наибольшей убедительной силой обладает отымённая гипотеза, согласно которой эти наречия представляют собой морфологические остатки исчезнувшей грамматической формы творительного падежа двойственного числа имени, а сами имена в их начальной форме могут быть восстановлены, учитывая данные диалектных и исторических словарей. Показательно, что эти формы принадлежат исключительно устной разговорной (в том числе – диалектной) речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тельнов Р. Е. Историческая грамматика : фонетика, морфология : пособие для студ. высш. учебных завед. фил. профиля. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2024. 132 с.
2. Копосов Д. Р. Наречие. Динамика классификации феномена // Ученые записки Казан. гос. у-та. 2008. Т. 150, кн. 6. С. 208–216.
3. Панова Г. И., Городнянская П. А. Функционально-семантическая типология лексикализованных предложно-падежных сочетаний наречного характера // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. 2013. Т. 12, вып. 2. Филология. С. 60–64.
4. Панова Г. И. Морфология современного русского литературного языка : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 564 с.
5. Панова Г. И., Кузьмина А. Е. Проблема определения диапазона наречия в русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 580–583.
6. Шарандин А. Л. Морфология современного русского языка : учеб. пособие. М. : Флинта, 2021. 360 с.
7. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Ч. 1. Слово / ред. Н. В. Перцов ; пер.: Н. Н. Перцова, Е. Н. Саввина, И. А. Мельчук. М. : Языки славянской культуры, 1997. 417 с.
8. Черепанова О. А. Об одном непродуктивном типе наречий в русском языке // Исследования по грамматике русского языка. Л., 1973. Вып. 5. С. 198–214.
9. Соколова М. А. Как же возникли наречия на *-мя*, *-ма* (кишмя, стоймя)? // Очерки по лексикологии : сб. науч. работ. Л., 1973. С. 5–19.
10. Вербовий М. В. Прислівники із суфіксами *-МА*, *-МИ*, *-МО* в історії української мови // Мовознавство. 1993. № 4. С. 42–45.
11. Пожарицкая С. К., Самсонова Н. Л. Некоторые наблюдения над структурой и семантикой наречий в одной диалектной системе (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 111–134.
12. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка : словоизменение : около 100 000 слов. 2-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1980. 879 с.
13. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 294 с.
14. Зализняк А. А. Труды по акцентологии. М., 2011. Т. II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.).
15. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. 400 с.
16. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2.
17. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. М. : Наука ; Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1965–....
18. Журавлев А. Ф. Об одном периферийном явлении в русской морфологии : категория числа у наречия // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980. С. 226–237.
19. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. : Высш. школа, 1947.
20. Пожарицкая С. К. Редупликация и смежные явления в русской литературной и диалектной речи // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край : сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома : КГУ, 2016. С. 264–271.
21. БАС-3 – Большой академический словарь русского языка : [более 150 000 слов русского языка его классического (XIX в.) и нового (XX–XXI вв.) перио-

дов] / [гл. ред. 1–9 т. К. С. Горбачевич, научный координатор 10–12 т. и гл. ред. 13–23 т. А. С. Герд]; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. М.; СПб.: Наука, 2004–.

22. Лиукконен К. Восточнославянские отглагольные существительные на –м-. Том I. Хельсинки: Хельсинкский ун-т, 1987. 224 с. (Slavica Helsingiensia).

23. Варбот Ж. Ж. Кари Лиукконен. Восточнославянские отглагольные существительные на *-m / *-ma / *-mo. Хельсинки, 1987 (= Slavica Helsingiensia, 5) // Этимология, 1988–1990. М.: Наука, 1993. С. 193–197.

24. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1536 с.

25. КЭСРЯ – Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

REFERENCES

1. Tel'pov R. E. *Istoricheskaja grammatika: fonetika, morfologija* [Historical grammar: phonetics, morphology]: posobie dlja stud. vyssh. uch.ebnyh zaved. fil. profilja. Moskva: Gos. IRJa im. A. S. Pushkina, 2024. 132 p.

2. Kopusov D. R. Narechie. Dinamika klassifikacii fenomena [Adverb. Dynamics of the phenomenon classification]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Kazan State University]. 2008. T. 150, B. 6. Pp. 208–216.

3. Panova G. I., Gorodnjanskaja P. A. Funkcional'no-semanticheskaja tipologija leksikalizovannyh predlozhenno-padezhnyh sochetanij narechnogo haraktera [Functional and semantic typology of lexicalized prepositional-case combinations of an adverbial character]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, Filologija* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology.]. 2013. T. 12, vol. 2. Pp. 60–64.

4. Panova G. I. Morfologija sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: ucheb. posobie dlja vuzov [Morphology of the modern Russian literary language]. Moskva: Yurajt, 2022. 564 p.

5. Panova G. I., Kuz'mina A. E. Problema opredelenija diapazona narechija v russkom jazyke [The problem of determining the adverb range in the Russian language]. In: *Mir nauki, kul'tury i obrazovanija* [The world of science, culture, and education]. 2022. No. 6 (97). Pp. 580–583.

6. Sharandin A. L. Morfologija sovremennogo russkogo jazyka: ucheb. posobie [Morphology of the modern Russian language]. M.: Flinta, 2021. 360 p.

7. Mel'chuk I. A. Kurs obshhej morfologii. T. 1. Vvedenie. CH. 1. Slovo [Melchuk I. A. Course of general morphology. Vol. 1. Introduction. h. 1. Word]. M.; Vena: YARK: WSA (Sonderband 38/1): Progress, 1997 [per. s frants.].

8. Cherepanova O. A. Ob odnom neproduktivnom tipe narechij v russkom jazyke [About one unproductive type of adverbs in the Russian language]. In: *Issledovanija po grammatike russkogo jazyka* [Research on the grammar of the Russian language]. Leningrad., 1973. Vol. 5. Pp. 198–214.

9. Sokolova M. A. Kak zhe vznikli narechija na -mja, -ma (kishmja, stojmja)? [How did the adverbs na -me, -ma

(kishma, standing) arise?]. In: *Ocherki po leksikologii: sb. nauch. rabot* [Essays on lexicology]. Leningrad, 1973. Pp. 5–19.

10. Verbovij M. V. Prislivniki iz sufiksami -MA, -MI, -MO v istorii ukrains'koj movi [Adverbs with suffixes -MA, -MI, -MO in the history of the Ukrainian language]. In: *Movoznavstvo* [Linguistics]. 1993. No. 4. Pp. 42–45.

11. Pozharickaja S. K., Samsonova N. L. Nekotorye nabljudenija nad strukturoj i semantikoj narechij v odnoj dialektnoj sisteme (d. Deulino Rjazanskogo r-na Rjazanskoj obl.) [Remarks on the structure and semantics of adverbs in one dialectal system (V. Deulino, Ryazan' region)]. In: *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [The Russian language in scientific coverage]. 2013. No. 1 (25). Pp. 111–134.

12. Zaliznyak A. A. Grammaticheskij slovar' russkogo jazyka [Grammar dictionary of the Russian language]: slovoizmenenije. Ok. 110 000 slov. 4-ye izd., ispr. i dop. M.: Russkiye slovari, 2003. 800 p.

13. Kolesov V. V. *Drevnerusskij literaturnyj jazyk* [Old Russian literary language]. L.: Izd-vo LGU, 1989. 294 p.

14. Zaliznyak A. A. *Trudy po akcentologii*. T. II. Drevnerusskij i starovelikorusskij akcentologicheskij slovar'-ukazatel' (XIV–XVII vv.) [Works on accentology. Vol. II. Old Russian and Old Russian accentological dictionary index (XIV–XVII centuries)]. M., 2011.

15. Shahmatov A. A. *Istoricheskaja morfologija russkogo jazyka* [Historical morphology of the Russian language]. M., 1957. 400 p.

16. Potebnya A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike. M., 1958. T. 1–2.

17. SRNG – Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. M.: L./SPb.: Nauka, 1965–...

18. Zhuravlev A. F. Ob odnom periferijnom javlenii v russkoj morfologii: kategorija chisla u narechija [On a peripheral phenomenon in Russian morphology: the number category of an adverb]. In: *Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovanija* [The Common Slavic linguistic atlas. Materials and research]. 1978. M., 1980. Pp. 226–237.

19. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language. Grammatical teaching about the word]. M.: Vyssh. shk., 1972.

20. Pozharickaja S. K. Reduplikacija i smezhnye javlenija v russkoj literaturnoj i dialektnoj rechi [Reduplication and related phenomena in Russian literary and dialectal speech]. In: *Gromovskie chtenija. Vyp. 3. Zhivoe narodnoe slovo i kostromskoj kraj: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 7–9 nojab. 2016 g.* [Gromov Readings. Vol. 3. Zhivoe narodnoe slovo and Kostroma Region]. Kostroma. KGU, 2016. Pp. 264–271.

21. BAS-3 – Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka: [bolee 150 000 slov russkogo jazyka ego klassi-cheskogo (XIX v.) i novogo (XX–XXI vv.) periodov]. [gl. red. 1–9 t. K. S. Gorbachevich, nauchnyj koordinators 10–12 t. i gl. red. 13–23 t. A. S. Gerd]; Ros. akad. nauk, In-t lingv. issled. Moskva; Sankt-Peterburg: Nauka, 2004–.

22. Liukkonen K. *Vostochnoslavjanskije otglagol'nye sushhestvitel'nye na -M-*. [East Slavic verbal nouns in -M-]. Vol. I. Hel'sinki: Hel'sinkskij un-t, (Slavica Helsingiensia). 1987. 224 p.

23. Varbot Zh. Zh. Kari Liukkonen. *Vostochnoslavjanskije otglagol'nye sushhestvitel'nye na *-m / *-ma / *-mo*. Hel'sinki, 1987 (= Slavica Helsingiensia, 5) [Kari Liukkonen. East Slavic verbal nouns in *-m / *-ma / *-mo.

Helsinki, 1987 (= Slavica Helsingiensia, 5)]. In: *Jetimologija* [Etymology]. 1988–1990. M.: Nauka, 1993. Pp. 193–197.

24. BTS – Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2004. 1536 p.

25. KJeSRJa – Shanskij N. M. *Kratkij jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [A short etymological dictionary of the Russian language]. M.: Prosveshhenie, 1971. 542 p.

Воронежский государственный университет

Меркулова И. А., доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: igell@yandex.ru

Кретов А. А., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: kretov@rdph.vsu.ru

Поступила в редакцию 17 февраля 2025 г.

Принята к публикации 26 марта 2025 г.

Для цитирования:

Меркулова И. А., Кретов А. А. Наречия на -ма (-мя) в русском языке: поиск производящего слова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 2. С. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/2/142-151>

Voronezh State University

Merkulova I. A., Doctor of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: igell@yandex.ru

Kretov A. A., Doctor of Philology, Professor of the

Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: kretov@rdph.vsu.ru

Received: 17 February 2025

Accepted: 26 March 2025

For citation:

Merkulova I. A., Kretov A. A. Adverbs in -ma (-mya) in Russian: search for a derivative word. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2025. No. 2. Pp. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/2/142-151>